

© 2023 г. **Н.И. МАТВЕЕВА**

КНДР И КУБА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ (1960–1965): ГРАНИЦЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ»

Матвеева Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57891417800; *ORCID:* 0000-0002-5116-7498

Аннотация. Статья рассматривает начальный этап отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Куба. Новизна исследования состоит в том, что данный период двусторонних отношений, крайне значимый для понимания дальнейшей истории взаимоотношений двух стран, и интересы сторон, мотивирующие развитие отношений, до настоящего времени были малоизучены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В статье оспаривается общепринятая трактовка северокорейско-кубинских отношений как исторически равных и братских, базирующихся только на социалистической солидарности и общей борьбе против империализма. На основании архивных документов советского посольства в Пхеньяне делается вывод, что для Северной Кореи нерушимая дружба с Кубой была мотивирована не только и, возможно, не столько желанием помочь братской стране в антиимпериалистической борьбе. Изначально КНДР стремилась стать для Кубы старшим партнером в политике и экономике, каковым по отношению к самой Северной Корее был Советский Союз. В статье анализируется, как Северная Корея для привлечения Кубы на свою сторону в политическом и идеологическом противостоянии внутри социалистического лагеря и в мире манипулировала информацией о Советском Союзе и советско-китайском расколе, стремясь дискредитировать СССР, преувеличить собственную роль в поддержке кубинской революции и продвинуть свою политическую позицию «нейтралитета», самостоятельности и опоры на собственные силы. Использование ранее не изученных архивных материалов позволяет лучше понять особенности начального этапа отношений Северной Кореи и Кубы — двух стран, которые сохранили тесные связи и после распада социалистического лагеря и продолжают придерживаться социалистического пути.

Ключевые слова: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, дипломатические отношения, архивы, МИД СССР, Архив внешней политики РФ, СССР, Китай, внешняя политика, экономические отношения, мировая система социализма.

N. I. Matveeva

The DPRK and Cuba in the Initial Period of Bilateral Relations, 1960–1965: The Limits of “Socialist Solidarity”*Natalia Matveeva, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru**Scopus Author ID: 57891417800; ORCID: 0000-0002-5116-7498*

Abstract. In this article, drawing on recently declassified archive sources from the Soviet embassy in Pyongyang, the author aims to refute the traditional view of North Korean-Cuban relations as historically close and equal, based on socialist solidarity and a common struggle against imperialism. In it, she argues that for North Korea, its “unbreakable friendship” with Cuba was motivated by more than just a desire to help the “brotherly country” in its anti-imperialist struggle. Exploring the early phase of bilateral relations, the author looks behind the propaganda façade of internationalism and socialist solidarity to examine the pragmatic motives behind North Korean desire to establish strong relations with the new socialist Cuba. She argues that North Korea originally sought to adopt the same senior partner role to Cuba that the Soviet Union and Eastern European countries had with respect to North Korea itself, promoting a North Korean political and ideological model in Cuba and contrasting it with both the Soviet and Chinese models. North Korea used the growing Sino-Soviet rift to discredit both the Soviet Union and China, while simultaneously promoting itself and its model as an alternative to the two quarrelling socialist giants. The study of archival sources provides a more detailed insight into the early phase of North Korean-Cuban relations and contributes to an understanding of North Korean foreign policy and its characteristic features still in place today.

Keywords: Democratic People’s Republic of Korea, Republic of Cuba, diplomatic relations, archives, Ministry of Foreign Affairs of the USSR, Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, USSR, China, foreign policy, economic relations, world system of socialism.

С момента установления дипломатических связей между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Куба в 1960 г. отношения двух стран провозглашаются официально как равные и братские, поскольку страны объединяет общая борьба против империализма. В этом ключе их зачастую рассматривают и пресса¹, и исследователи². По мнению Центрального разведывательного управления США, во времена холодной войны отношения между Северной Кореей и Кубой были теснее, чем между Северной Кореей и Советским Союзом³. Говоря о военном сотрудничестве двух стран, цитируют слова Рауля Кастро, сказанные в 1968 г.: «Если кого-то интересует мнение кубинцев по определенным вопросам, ему следует спросить корейцев. А если кто-либо спросит, какова позиция [Северной] Кореи в определенных случаях, он может спокойно спросить об этом у кубинцев. Наши взгляды полностью совпадают во всем»⁴. При этом считается, что первое десятилетие после

¹ Cho S. K’uba-puk’an-ün öttön kwan’gye? Puk, Soryön-i oemyönnhan K’uba-e mugi musangjegong // Dong-A Ilbo. 5.VI.2016; Marsh S. Cuba and North Korea hold anti-US meeting and reject Donald Trump’s “arbitrary” nuclear demands // The Independent. 23.XI.2017; Zwirko C. Cuba, North Korea reaffirm historic ties at first summit in thirty years // The North Korea News. 4.XI.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/11/cuba-north-korea-reaffirm-historic-ties-at-first-summit-in-thirty-years/> (дата обращения: 12.07.2022); Лидер Кубы завершил визит в Пхеньян // РИА Новости. 7.XI.2018. URL: <https://ria.ru/20181107/1532243643.html?ysclid=l8de0c2zl8736809513> (дата обращения: 22.09.2022).

² Berger A. Target Markets: North Korea’s Military Customers. New York, 2016; Taylor W. North Korea and the Latin American revolution, 1959–1970. Vancouver, 2020.

³ См.: CIA Memo. North Korea – USSR: How Close Can They Get? 25 March 1986 // URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T01017R000605840001-7.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

⁴ Berger A. Op. cit. P. 97.

установления отношений было временем «особенно тесного сотрудничества»⁵. Однако практически нет исследований, посвященных именно начальному этапу двусторонних отношений в 1960-х годах. Исключение составляют только исследования роли Карибского кризиса 1962 г. в милитаризации Северной Кореи в контексте советско-китайского раскола⁶, однако из-за своей специфики они не уделяют достаточного внимания вопросам развития двусторонних дипломатических и экономических отношений и мотивации сторон.

Основной проблемой в исследовании отношений КНДР и Кубы, в особенности их начального этапа, является недостаток первичных источников. Закрытость Северной Кореи обуславливает фактическую невозможность доступа к информации и архивным материалам оттуда. И несмотря на предпринимаемые (или, по крайней мере, предпринимавшиеся до пандемии Covid-19) шаги к большей открытости на Кубе, эта тенденция не распространяется на архивы. Они по-прежнему практически закрыты для исследователей, изучающих историю острова после революции 1959 г.⁷

В этих обстоятельствах недавно рассекреченные и неизученные документы из архивов советского посольства в Пхеньяне представляют особый интерес. Первый посол Кубы в КНДР Лазаро Вигоа Арангурен, работавший в Пхеньяне в первой половине 1960-х годов, имел особенно теплые отношения с советским посольством. Он делился с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР В.П. Московским (1962–1965) впечатлениями о работе с северокорейцами и порой даже спрашивал его совета в вопросах, которые не мог обсуждать со своим правительством из-за дружеских отношений между Республикой Куба и КНДР⁸. Советский посол докладывал об этих беседах в Москву. В отсутствие прямых первичных источников эти доклады советского диппредставительства дают уникальную возможность изучить становление взаимоотношений двух стран.

В статье на основании анализа советских архивных материалов и северокорейской прессы подробно рассматривается ранний период северокорейско-кубинских отношений, от установления дипотношений к Карибскому кризису и его влиянию на динамику двусторонних отношений и до середины 1960-х годов, когда смена руководства в СССР вновь сместила баланс сил в социалистическом лагере. Оспаривается принятая трактовка двусторонних отношений как равных, равных и братских. Архивные документы указывают на то, что изначально КНДР стремилась стать для Кубы старшим партнером в политике и экономике, каковым по отношению к самой Северной Корее являлся Советский Союз. Помимо этого, установление отношений с Кубой рассматривалось северокорейским руководством как первый шаг к дипломатической экспансии в «третьем мире» и продвижению северокорейской политической, идеологической и экономической модели.

Куба, расположенная около границ США, привлекала внимание КНДР еще до установления дипломатических отношений. В 1950-х годах КНДР поддерживала контакты с Народно-социалистической партией Кубы. В начале 1959 г. официальный орган Трудовой партии Кореи (ТПК) газета «Нодон синмун» превозносила успех кубинской революции. Серия статей прославляла кубинский народ и Народно-социалистическую партию (впоследствии ставшую правящей Коммунистической партией Кубы) за их неутомимое усердие в свержении «американского агента» Батисты и за готовность выступить против «американских агрессоров», несмотря на американскую военную мощь. «Нодон синмун» отмечала, что и Куба, и Северная Корея находятся на острие антиимпериалистической борьбы. Ведь Южная Корея, как ранее

⁵ Taylor W. Op. cit. P. 48–49.

⁶ Person J. Introduction // NKIDP e-Dossier № 12. The Cuban Missile Crisis and the Origins of North Korea's Policy of Self-Reliance in National Defense. Washington (D.C.), 2012. P. 1–4.

⁷ Gleijeses P. Inside the Closed Cuban Archives // The Wilson Center History and Public Policy Program blog, 31 July, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/inside-the-closed-cuban-archives> (дата обращения: 01.03.2020).

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 167.

Куба, была «оккупирована... американскими империалистами» и находилась под управлением «фашистского режима» Ли Сын Мана, поддерживаемого американцами⁹.

Поэтому неудивительно, что после победы кубинской революции Северная Корея вслед за Советским Союзом¹⁰ предложила свою дружбу и поддержку братской стране. Летом 1960 г. делегация КНДР приняла участие в конгрессе латиноамериканской молодежи в Гаване, а 29 августа 1960 г. Республика Куба стала 15 страной, с которой КНДР установила официальные дипломатические отношения. 1 сентября «Нодон синмун» опубликовала статью, провозглашавшую «новый шаг в развитии дружеских связей» между КНДР и Кубой в связи с установлением двустороннего культурного, научно-технического, экономического сотрудничества¹¹.

В социалистическом лагере в 1950–1960-х годах Северная Корея, экономически наименее развитая, занимала позицию младшего партнера и реципиента экономической помощи, что способствовало быстрому восстановлению и развитию северокорейской экономики, особенно после Корейской войны. Однако к концу 1950-х годов продолжающаяся экономическая и политическая зависимость от Советского Союза, КНР и Восточной Европы стала все больше тяготить северокорейского лидера Ким Ир Сена. Несмотря на попытки Северной Кореи развивать связи с нейтральными странами и даже выйти на западные рынки¹², зависимость эта сохранялась. Однако основные усилия Ким Ир Сена были направлены на политическую сферу. Он не одобрял изменений, происходивших в то время в СССР и Восточной Европе, — развенчание культа личности, риторика мирного сосуществования с Западом — и стремился к проведению собственной политики, которая была больше националистической, чем социалистической в советском понимании этого слова¹³.

По утверждениям Ким Ир Сена, отношения между социалистическими партиями должны были основываться на принципах независимости и равенства, и Северная Корея обладала правом «иметь свою точку зрения на все события, которые происходят в мире»¹⁴. Советский Союз и большинство братских стран, правда, не одобряли подобную риторику. Так, советские и болгарские дипломаты отмечали, что хотя у корейцев «выросло чувство национального самосознания», но кое в чем это чувство «уродливо преломляется»: национальное самосознание ставилось выше коммунистического мировоззрения¹⁵. Представители Монголии отмечали, что северокорейское дистанцирование азиатских социалистических стран от европейского пути развития их «обижает»¹⁶.

Присоединение Кубы к мировому социалистическому движению давало Северной Корее возможность стать для нее старшим товарищем в деле борьбы с империализмом.

В начале декабря 1960 г. кубинская экономическая делегация, возглавляемая Эрнесто Че Геварой, в рамках визита в страны соцлагеря посетила КНДР. Визит делегации освещался на первой странице «Нодон синмун» подробно и ежедневно, подробнее чем проходившее в то же время в Москве Совещание коммунистических и рабочих партий. Особенно подчеркивалась общая история противостояния американскому империализму и нерушимая дружба северокорейского и кубинского народов, выкованная в боях против американской агрессии¹⁷.

Кубинская делегация ознакомилась с основными достижениями Северной Кореи по восстановлению и развитию экономики, пострадавшей в Корейскую войну. Делегаты посещали

⁹ Нодон синмун. 3.4.I.1959.

¹⁰ СССР признал новое революционное правительство Кубы в феврале 1960 г. и заключил с ней соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве.

¹¹ Нодон синмун. 1.IX.1960.

¹² Подробнее об этом см., к примеру: Miller O., Matveeva N. Trade Relations between the DPRK and the UK, 1961–1969: The Debate in Whitehall // Understanding Market Activities in North Korea / ed. Y. Kim. Washington (D.C.), 2023. P. 53–63.

¹³ Ланьков А. Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 52.

¹⁴ АВР РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 184.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 161.

¹⁷ Нодон синмун. 1.XII.1960.

сельскохозяйственные кооперативы, промышленные предприятия, в том числе завод имени Ким Чхэка, ведущее металлургическое предприятие страны. Ким Ир Сен считал тяжелую промышленность основой построения социализма¹⁸. Че Гевара был особенно впечатлен твердостью позиции Ким Ир Сена и успехами КНДР в развитии тяжелой промышленности. По утверждениям северокорейской стороны, он неоднократно говорил, что «корейский народ — талантливый народ, имеющий мудрое руководство в лице Трудовой партии Кореи и товарища Ким Ир Сена», и что «корейский народ движется вперед с такой большой скоростью, что за ним не может угнаться Куба»¹⁹.

Визит кубинской экономической делегации завершился подписанием соглашений о культурном, научно-техническом и экономическом сотрудничестве, а также торгового соглашения. При этом тексты документов, в особенности торгового, были подготовлены в основном северокорейской стороной при минимальном участии кубинцев. В совместном коммюнике, выпущенном в завершение визита, говорилось, что КНДР всесторонне поддерживает революционные достижения и борьбу кубинского народа за свободу и независимость от американских агрессоров, а также подтверждались взаимная дружба и сотрудничество между Северной Кореей и Кубой²⁰.

Как отмечает историк Кэрол Ланкастер, прямая экономическая помощь в современном ее понимании появилась как «инструмент дипломатии холодной войны»²¹. Характер взаимоотношений с Кубой позволял Северной Корее быть не просто реципиентом помощи от братских стран, а самой стать донором. Правда, объективно в начале 1960-х годов она была не в состоянии оказать сколько-нибудь значимую помощь: экономика только оправлялась от последствий форсированного развития тяжелой промышленности в 1958—1959 гг., а в 1961 г. планировалось начать новый амбициозный экономический план, для выполнения которого КНДР самой требовалась помощь Советского Союза и Китая²².

Тем не менее объем двусторонней торговли значительно вырос после подписания соглашения в декабре 1960 г. К 1963 г. он составил порядка 8 млн руб. Учитывая сокращение торговли КНДР с СССР и Восточной Европой в первой половине 1960-х годов, вызванное охлаждением отношений с ними и их растущее нежелание покупать низкокачественные северокорейские товары и сырье по ценам выше среднерыночных, объем торговли Северной Кореей с Кубой был сравним с торговлей с ГДР или Польшей и был выше, чем с Румынией, Венгрией или Болгарией²³. Однако по перечню товаров торговля не была равнозначной. Северная Корея поставляла Кубе промышленное оборудование, металлорежущие станки, химическое сырье, стальной прокат, цветные металлы, часто реэкспортированные из СССР и восточноевропейских стран народной демократии, так как сама не производила запрашиваемого Кубой оборудования или сырья или производила в недостаточном для экспорта количестве²⁴. В свою очередь, Куба поставляла в Северную Корею сельскохозяйственную продукцию, преимущественно сахар²⁵. Структура торговли с Кубой, по иронии, была зеркальным отражением торговли КНДР с другими соцстранами. При этом отношение Северной Кореи к торговым контрактам как необязательным к выполнению — на что неоднократно жаловались страны соцлагеря в 1960-х годах²⁶ — не изменилось и применительно к Кубе.

По словам посла Вигоа, Куба выполняла все обязательства по торговле с КНДР. Северокорейские же торговые организации, ссылаясь на различного рода причины, не соблюдали

¹⁸ *Ким Ир Сен. Сочинения.* Т. 17. Январь—декабрь 1963. Пхеньян, 1984. С. 363.

¹⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 452. Л. 7.

²⁰ Нодон синмун. 7.XII.1960.

²¹ Lancaster C. Foreign aid: diplomacy, development, domestic politics. Chicago, 2007. P. 25.

²² АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 85. Д. 6. Л. 165—166.

²³ Там же. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 29.

²⁴ Szalontai B. Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Stanford, 2005. P. 205.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 99.

²⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 86. Л. 11—156.

торгового соглашения с Кубой, причем «по ассортименту товаров, очень важных для экономики Кубы». Его советский коллега В.П. Московский замечал, что это «общая тенденция корейцев», связанная с тем, что они хотят начать торговать с Англией, Японией, Италией, ФРГ. А страны Запада, в отличие от государств соцлагеря, не согласны покупать северокорейские товары низкого качества по завышенной цене²⁷. Поэтому Северная Корея стремилась оставить качественные товары и ценное сырье (в том числе обещанные Кубе) для торговли с капиталистическими странами. Министр внешней торговли КНДР Ли Ир Гён, пытаясь объяснить сложившуюся ситуацию, говорил, что торговать с соцстранами, конечно, хорошо, поскольку торговля с ними «происходит на взаимовыгодных условиях, без запросов и без жульничества», но «ничего не поделаешь, иногда приходится, хотя и в небольшом масштабе, торговать и с капиталистами»²⁸. Идеология и общее дело борьбы с империализмом не перевешивали чисто прагматических экономических соображений. И потенциальная торговля с промышленно развитыми странами Запада, способными предложить высокотехнологичное оборудование, станки и комплектующие, необходимые северокорейской экономике, была более выгодна, чем торговля с братской, но бедной Кубой, которая мало что могла поставлять КНДР, кроме сельскохозяйственной продукции.

Северокорейцы, стремясь реабилитировать себя в глазах кубинцев и сделать их своими союзниками, говорили, что Советский Союз в качестве экономического партнера был еще более ненадежен, чем они сами. Осенью 1963 г., через год после Карибского кризиса, Ким Ир Сен в разговоре с Вигоа утверждал, что «на Советский Союз надеяться теперь нельзя». По его словам, «несмотря на долгосрочные соглашения», СССР оставил КНДР на 1964 г. без нефтепродуктов, и даже осенью 1963 г. на полевых работах корейцы не смогли полностью задействовать тракторный парк из-за нехватки бензина, а также автотракторных шин. Все это поставлялось Советским Союзом, который «неожиданно сократил» поставки, а цены на шины увеличил: «Видимо, Советский Союз хотел поставить нас [корейцев] перед катастрофой». Якобы аналогичная ситуация была и с советской военной помощью, вопрос о которой был крайне важен и для Кубы. Так, по словам Ким Ир Сена, Советский Союз «вынуждал» Корею «производить своими силами» такое вооружение, к изготовлению которого она «не была подготовлена», и это «обойдется [КНДР] очень дорого». В завершение Ким добавил, что «Советский Союз, несмотря на договор, уже длительное время не оказывает никакой военной помощи [КНДР]»²⁹. Примечательно, что, по обвинениям Ким Ир Сена, СССР заставлял Северную Корею делать то, что официально провозглашалось ее целью, — производить товары и оборудование внутри страны, своими средствами, с опорой на собственные силы и без участия в международном сотрудничестве и разделении труда.

Кубинский посол, очевидно, был удивлен подобными заявлениями, и заметил, что у него имеется другая информация о положении дел. На его заданные позже уточняющие вопросы советский посол в Пхеньяне, удивленный не меньше, отвечал, что «Советский Союз честно выполняет обязательства» в том числе и в военной области³⁰.

Еще одним направлением двустороннего северокорейско-кубинского сотрудничества была научно-техническая кооперация, распространенная форма контактов между странами соцлагеря. Северная Корея сама с 1950-х годов отправляла специалистов в СССР, ГДР, Чехословакию на практику, стажировку и обучение работе на современном оборудовании, установленном этими странами на северокорейских предприятиях. В начале 1960-х годов КНДР предложила Кубе принять кубинских специалистов на производственную практику. Десять кубинских инженеров и техников были направлены на практику на Кусонский станкостроительный завод. Однако спустя несколько месяцев они стали жаловаться кубинскому послу на

²⁷ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 191.

²⁸ Там же. Д. 4. Л. 19–20.

²⁹ Там же. Д. 5. Л. 252.

³⁰ Там же. Л. 254.

«недостаточную методику производственного обучения» и просили досрочно вернуть их на родину, говоря, что «в КНДР пока нечему учиться»³¹.

Схожая ситуация была и со студентами, направленными на учебу в Университет имени Ким Ир Сена в Пхеньяне. В годы холодной войны студенческие обмены и международные образовательные программы были еще одной формой сотрудничества и важной частью стратегии стран социалистического содружества по продвижению своей идеологии, социально-политической и экономической модели как внутри соцлагеря, так и за его пределами. За это время более 500 тыс. иностранных студентов получили образование в Советском Союзе³². Северная Корея также включилась в сеть обменов, и северокорейские студенты стали обучаться в СССР, Восточной Германии, Болгарии и других восточноевропейских странах. Однако к началу 1960-х годов, после нескольких инцидентов, когда студенты отказывались возвращаться на родину³³, а также растущего стремления КНДР иметь свою собственную независимую позицию и политику, обучение северокорейской молодежи за границей стало рассматриваться государством как нежелательное.

Напротив, привлечение иностранных студентов для обучения в Корее, помимо расширения международных связей КНДР, также способствовало продвижению собственной модели развития и позиции государства в других странах. Однако кубинские студенты в Пхеньяне, как и технические специалисты, жаловались на низкий уровень преподавания. Кубинский посол объяснял, что «студенты плохо изучают корейский язык, так как администрация университета идет на всякого рода послабления в оценке знаний кубинских студентов, мало требует с них, пытаясь создать видимость успешной учебы, завышает оценки студентам»³⁴. Это не нравилось ни самим студентам, ни и посольству.

И эта тенденция представлять отличную от реальности, но выгодную КНДР картину наблюдалась не только в сфере экономического сотрудничества и научно-технологических и образовательных обменов, но и в сфере политических контактов.

Как уже отмечалось, Северная Корея неоднократно выражала поддержку кубинской революции еще до установления официальных двусторонних отношений. Во время и после Карибского кризиса 1962 г. интенсивность этих заявлений только усилилась.

Северокорейское руководство внимательно следило за развитием Карибского кризиса. Решение СССР о выводе ракет с Кубы было воспринято им как предательство Кубы, а вслед за ней, потенциально, и других малых социалистических стран (включая КНДР), и как капитуляция под давлением американских империалистов³⁵. Схожим образом ход кризиса оценивался и руководством Кубы, что охотно отмечала северокорейская пресса³⁶, а это активизировало публичную поддержку Кубы со стороны Северной Кореи, в противовес «ревизионистской» позиции Советского Союза.

В конце октября 1962 г., в разгар кризиса, «Нодон синмун» выпустила серию статей под общим заголовком «Остановить американскую агрессию против Кубы». В них, в частности, говорилось, что Куба, выступив против американского империализма, защищала весь социалистический лагерь и даже весь мир и что Северная Корея солидарна с ней и оказывает ей всестороннюю поддержку³⁷. Однако Вигоа в частных беседах с советскими и восточноевропейскими дипломатами высказывал недовольство тем, каким образом КНДР выражала поддержку кубинской революции.

³¹ Там же. Л. 4.

³² *Tsvetkova N.* International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // *Comparative Education Review*. 2008. Vol. 52. № 2. P. 199, 208.

³³ *Ланьков А. Н.* Указ. соч. С. 273; *Baev J., Kim S.* Korea in the Bulgarian Archives, 1945–1995: An Introduction // *NKIDP Working Papers*. 2017. № 5. P. 11.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 4.

³⁵ *Person J.* Op. cit. P. 2.

³⁶ См.: *Szalongtai B.* Op. cit. P. 191.

³⁷ Нодон синмун. 25.X.1962.

В ноябре 1962 г. заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи Ким Чан Ман на встрече с кубинским послом сказал: «Кубинский народ и правительство Кубы еще не знают, как огромна поддержка, которую оказывает кубинской революции КНДР. У нас каждый день проводятся десятки и сотни митингов в поддержку кубинской революции»³⁸.

Вигоа не возразил Ким Чан Ману, отметив, что он даже присутствовал на трех из них. Однако венгерскому коллеге Ковачу он признавался, что не мог в открытую сказать Ким Чан Ману, что невысокого мнения об этих демонстрациях: «Конечно, митинги здесь проводятся, но если взвесить все то, о чем говорится на этих митингах, то можно было бы сделать такой вывод, что митингам только дается заголовок, что они посвящены поддержке кубинской революции, но об этом говорится 2–3 слова, а дальше идет разговор о взятии шести высот (основные цели КНДР в экономике на 1962 г. — *Н.М.*) и об агрессии американцев, и о выводе их войск из Южной Кореи». Таким образом, подводил итог посол, корейцы «помогают только разговорами и шумом», а не практическими делами»³⁹.

И даже эти «разговоры» не всегда отражали реальное положение вещей. Рассказывая Московскому о своей встрече с Ким Ир Сеном, состоявшейся 8 декабря по приглашению последнего, кубинский посол особенно отмечал то, как эта встреча освещалась в северокорейской прессе. Преподносилось так, что он от лица объединенных революционных организаций Кубы, кубинского правительства и народа выразил «сердечную благодарность товарищу Ким Ир Сэну» за активную поддержку, оказанную Трудовой партией Кореи, правительством и корейским народом, народу Кубы в его борьбе. Однако, как уверял кубинский посол, он не выражал такой благодарности ни по указанию своего правительства, ни по собственной инициативе. «Это сообщение корейской печати является трюком», — утверждал он, но признавал, что «в условиях дружественных отношений между двумя социалистическими странами» он не может выступить с опровержением⁴⁰.

Корейская пресса, по словам посла, с начала кризиса сообщала о «потоке писем» с выражением поддержки кубинскому народу в борьбе с империализмом, которые якобы поступали в кубинское посольство от различных северокорейских организаций. В действительности, как отмечал Вигоа, кубинское посольство «получало периодически только единичные письма», а вовсе не постоянный поток, что также свидетельствовало о «необъективности некоторой информации корейской прессы»⁴¹.

В конце декабря 1962 г. на Кубу с дружеским визитом на празднование четвертой годовщины революции отправилась северокорейская делегация. Спустя несколько дней после ее отъезда посол Вигоа был приглашен в министерство иностранных дел КНДР для просмотра документального фильма, отправленного на Кубу вместе с делегацией. В фильме, делился посол со своими венгерским и советским коллегами, был эпизод массового митинга в поддержку Кубы в Пхеньяне на площади Ким Ир Сена. Он обратил внимание на две вещи: во-первых, митинг проходил летом, участники были в летней одежде и с цветами; во-вторых, там выступал он, кубинский посол. Вигоа заверял, что таких массовых демонстраций в поддержку Кубы в теплое время года не проходило и что «он, кубинский посол, обладая здравым умом и хорошей памятью, не помнит такого массового митинга в Пхеньяне на площади, на котором бы он выступал». По его мнению, фильм, отправленный на Кубу, — компиляция, созданная для лучшего достижения желаемого эффекта⁴². В дневниках советского посла нет упоминаний, известил ли Вигоа об этом свое правительство, но представляется вероятным, что, как и в случаях с ложной информацией в прессе, он не стал этого делать, не желая портить двусторонние отношения.

Для Северной Кореи демонстрация (и преувеличение) поддержки Кубы была не только выражением солидарности с братской социалистической страной, борющейся против

³⁸ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 147.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 167.

⁴¹ Там же. Л. 168.

⁴² Там же. Л. 180.

империализма, но и способом заручиться содействием Кубы, в первую очередь политическим. Как один из первоначальных членов ООН⁴³, Куба могла способствовать решению корейского вопроса в пользу КНДР и привлечь на свою сторону других членов организации, в особенности из недавно получивших независимость стран Азии и Африки⁴⁴.

В 1960-х годах пропаганда собственной политико-экономической и идеологической модели среди стран «третьего мира» стала одним из приоритетов северокорейской внешней политики. В 1963 г. министр иностранных дел КНДР Пак Сен Чер говорил, что основной задачей внешней политики государства является установление политических, экономических и культурных связей со странами Азии и Африки. По его словам, афро-азиатские страны представляли особый интерес для КНДР, потому что они (в отличие от Советского Союза и Восточной Европы) «с удовольствием» воспринимали северокорейскую культуру и образ жизни и КНДР для них являлась «образцом»⁴⁵.

Куба могла содействовать расширению северокорейского влияния на латиноамериканские страны. Северная Корея, поддерживая революционные движения стран Латинской Америки, следовала практическим геополитическим целям: возникновение новых очагов вооруженного давления на США могло способствовать снижению агрессивности американского империализма на Корейском полуострове⁴⁶. Куба представлялась оптимальным посредником для установления и поддержания контактов с революционными движениями в Латинской Америке.

В 1962–1963 гг. советский посол в Пхеньяне отмечал особое внимание «корейских товарищей» к кубинскому представителю: ему разрешались поездки в такие районы страны, которые для других дипломатов были закрыты, предоставлялась более развернутая информация о внутренней и внешней политике КНДР, он чаще, чем другие дипломаты, встречался с Ким Ир Сеном и высокопоставленными чиновниками. По мнению Московского, такое подчеркнутое внимание со стороны северокорейцев объяснялось «не только всеобщими симпатиями к революционной Кубе, а и желанием приблизить [кубинского] посла к себе»⁴⁷.

В разговорах с Московским Вигоа упоминал, что северокорейцы, хотя официально выразили согласие и одобрение, на самом деле отрицательно восприняли доклад Хрущева на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1962 г., особенно часть, касавшуюся Карибского кризиса. По мнению кубинского посла, корейцы недооценивали силу империализма, вслед за китайцами называя его «бумажным тигром». Северокорейское руководство считало, что КНДР сможет с легкостью пережить ядерную войну, спрятав население в многочисленных подземных тоннелях и бункерах. Вигоа говорил, что «такая теория свидетельствует, что корейские руководители в этом вопросе потеряли чувство реальности»⁴⁸.

И в 1961 г., и в 1962 г. северокорейская пресса во главе с «Нодон синмун» освещала все иностранные поездки Фиделя Кастро и кубинского руководства и публиковала практически все их выступления⁴⁹. Однако масштабы публичного проявления поддержки Кубы заметно снизились весной 1963 г. В апреле–июне 1963 г. Фидель Кастро с 40-дневным визитом посетил Советский Союз. Важность этой поездки осознавали как современники, так и историки. А в Северной Корее приезд Кастро в Москву был упомянут только в короткой заметке из семи строк на третьей странице «Нодон синмун» и то спустя несколько дней⁵⁰, а его встречи с Хрущевым и вовсе остались без внимания. На вопрос Московского о причине столь резкой

⁴³ Сама КНДР не являлась членом ООН вплоть до 1991 г.

⁴⁴ Choi C.-K. The Korean Question in the United Nations // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1975. Vol. 8. № 3/4. P. 398.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 208.

⁴⁶ См.: Ойкион В. Революционный авангард. Мексиканское Движение революционного действия // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 179.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 5. Л. 91–92.

⁴⁸ Там же. Л. 167.

⁴⁹ См., например: Нодон синмун. 27.X.1962; 8.XII.1962.

⁵⁰ Нодон синмун. 30.IV.1963.

смены отношения Вигоа предположил, что корейцам не понравилось, что Кастро первой страной для посещения в своем турне выбрал Советский Союз, а не КНДР⁵¹.

Несколько месяцев спустя руководство КНДР ясно обозначило Кубе свою позицию по отношению к Советскому Союзу и советско-китайскому расколу. Ким Ир Сен в разговоре с Вигоа заявил, что КНДР «не пойдет ни на какие компромиссы» с руководством СССР, пока не будут выполнены все ее «требования» и «претензии» и пока все партии «не разгромят ревизионизм, не осудят его вдохновителей». «Мы не против КПСС, — говорил Ким, — а против руководства КПСС». По его словам, Советский Союз боялся Северную Корею, потому что «дискуссии» среди социалистических партий, предлагаемые последней, могли «лишить КПСС механического большинства» и возможности диктовать всем свою волю, и уже были те, кто «шел» за КНДР⁵². Примечательно, что Ким противопоставлял Советскому Союзу Северную Корею, а не Китай, подчеркивая, что она имеет свою собственную позицию, отличную как от СССР, так и от КНР.

Стоит отметить, что взаимоотношения Кубы и СССР в первой половине 1960-х годов также не были гладкими и их позиции по политическим вопросам не совпадали полностью. Исход Карибского кризиса и то, что решение по нему было принято без участия Кубы, негативно воспринималось кубинским руководством, что сказалось на советско-кубинских отношениях. Были расхождения и в политических взглядах. Кастро не поддерживал полный запрет на ядерные испытания и концепцию мирного сосуществования и, по мнению некоторых исследователей, в целом склонялся больше к прокитайской политико-идеологической позиции⁵³. Тем не менее модель политического и экономического развития, предлагавшаяся северо-корейцами, оказалась кубинской стороне не близка и вызывала сомнения в своей жизнеспособности и практичности. Рассказывая о поездке по северо-корейским провинциям и о встрече с заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ТПК, посол Вигоа говорил, что корейцы видят основную задачу сельского хозяйства в осуществлении «идеологической, технической и культурной революции в деревне», причем главной считается идеологическая революция. Посол отметил, что материальное благосостояние крестьян практически не улучшилось с 1953 г. и что корейские руководители «пока не доверяют крестьянам, не считают, что они убеждены в правоте того, что с ними делают»⁵⁴. По мнению посла, для все еще во многом аграрной Кубы, где революция опиралась на крестьянство как движущую силу, подобный путь не был оптимальным. Он также сомневался в способности северо-корейского правительства выполнить обещания по улучшению уровня жизни крестьян.

Обещания Северной Кореи оказать помощь другим странам также воспринимались кубинским посольством исключительно как пропаганда. В 1964 г. КНДР, вероятно стремясь заручиться поддержкой стран «третьего мира», с которыми были установлены отношения в 1963—1964 гг., объявила о своей готовности оказать помощь Южной Корее поставками угля, риса, электричества и стали. Узнав об этом, кубинский посол, хорошо знакомый с реалиями Северной Кореи, не без сарказма спрашивал: «А что если Южная Корея изъявит согласие принять эту помощь? Где же все это КНДР возьмет?». Он поделился с советским коллегой, что из бесед с северо-корейцами складывается впечатление, что те «весьма ревниво относятся к тому, что Советский Союз поставляет ракетное оружие и самолеты МиГ новейших моделей Кубе, Индонезии, ОАР и не дает такого оружия КНДР, противостоящей южнокорейской армии, оснащенной самым современным американским вооружением». На замечание советского посла, что корейцы и не обращаются к Советскому Союзу с такими просьбами, кубинец ответил, что корейцы, видимо, «как дети, ждут, пока им не дадут того, чего они хотят»⁵⁵.

В январе 1965 г. делегация ТПК в очередной раз посетила Кубу. Глава делегации Ли Хё Сун, член президиума Верховного народного собрания КНДР, в соответствии с северо-корейской

⁵¹ АВР РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 97. Д. 5. Л. 3.

⁵² Там же. Л. 252.

⁵³ *Walters R. Soviet Economic Aid to Cuba: 1959—1964 // International Affairs. 1966. № 1. P. 84.*

⁵⁴ АВР РФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 101. Д. 4. Л. 184.

⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 180.

концепцией о создании очагов вооруженного сопротивления в Латинской Америке донес до сведения кубинского руководства, что КНДР «имеет возможность оказать большую помощь стрелковым оружием (автоматами) партизанам латиноамериканских стран» и просит посредничества Кубы для передачи этого оружия по назначению. Однако, по словам кубинского посла, предложение Ли Хё Суна, как и более ранние обещания помощи странам «третьего мира», было расценено в Гаване как очередной пропагандистский маневр⁵⁶.

По возвращении с Кубы Ли Хё Сун провел встречу с кубинским послом, в ходе которой отметил, что руководство КНДР согласно с выступлениями Фиделя Кастро и с его заявлением о самостоятельной позиции в идеологических и политических разногласиях с руководством социалистических стран. Он также «признался», что Северная Корея тоже хотела бы «выступать таким же образом», но «пока не может»⁵⁷.

Последнее заявление, однако, не совсем соответствовало действительности. Еще в конце 1964 г., после отстранения Хрущева, Ким Ир Сен открыто высказал советским представителям свою позицию и видение места КНДР в мировом социалистическом движении и в мире: «Мы не терпим великодержавных замашек и на каждую такую замашку вынуждены отвечать, мы не хотим и не позволим никому вмешиваться в дела нашей партии, в дела нашей страны. ...Мы малая страна, маленькая партия по сравнению с [КПСС], но мы не хотели бы, чтобы вы вмешивались в наши дела. Нам виднее, как доводить до конца революцию в Корее»⁵⁸.

К середине 1960-х годов оба государства, и Куба, и КНДР, имели значительные экономические и политические связи с Советским Союзом и хотели сохранить экономическое сотрудничество, но быть политически независимыми. Северокорейско-советские отношения после кризиса начала 1960-х стали налаживаться с 1965 г., чему способствовало и начало культурной революции в КНР. Наиболее «прохладный» период в советско-кубинских отношениях завершился еще через пару лет⁵⁹. Куба и КНДР сохраняли дружественные отношения на протяжении 1960-х годов. Однако, несмотря на все усилия со стороны КНДР, Куба (в отличие от ряда африканских стран в последующие годы⁶⁰) не переняла северокорейскую идеологию и политико-экономическую модель, отнесясь к ним с долей скептицизма и предпочтя следовать собственной модели.

* * *

Дипломатические отношения между Республикой Куба и Корейской Народно-Демократической Республикой, установленные в 1960 г., пережили и холодную войну, и распад социалистического лагеря. Хотя традиционно считается, что они были равными и братскими в начальный период, как свидетельствуют дипломатические архивы, Северная Корея претендовала на ведущую роль в двусторонних отношениях как в сфере экономики, научно-технического сотрудничества и образования, так и в политической области. Как страна «третьего мира» Куба могла способствовать продвижению корейской позиции в соцлагере и в мире.

Несмотря на распространенную точку зрения, что в первой половине 1960-х годов Северная Корея была на стороне Китая в советско-китайском расколе, в отношениях с Кубой она не столько следовала китайской линии, сколько пыталась продвигать свою собственную идеологию и позицию в экономических и политических вопросах. Можно предположить, что кубинский посол в разговорах со своими коллегами из СССР и стран Восточной Европы говорил не все и «адаптировал» свои слова для аудитории, и, вероятнее всего, так и было. Однако представляется маловероятным, что в разговорах с советским послом он бы передавал не лестные замечания северокорейцев об СССР, но умалчивал об их прокитайской пропаганде,

⁵⁶ Там же. Л. 221.

⁵⁷ Там же. Оп. 21. П. 105. Д. 4. Л. 109.

⁵⁸ Там же. Оп. 20. П. 101. Д. 5. Л. 203–205.

⁵⁹ Fagen R. Cuba and the Soviet Union // The Wilson Quarterly. 1978. № 1. P. 74.

⁶⁰ Dobrzeński I. Juche ideology in Africa: its origins and development // Acta Asiatica Varsoviensia. 2019. № 32. P. 117–137.

если бы таковая была. Это также указывает на стремление Северной Кореи продвигать себя и собственную идеологию, а не только следовать за КНР.

Куба, несмотря на собственные разногласия с Советским Союзом в 1960-х годах, с недоверием относилась к обещаниям помощи от КНДР и не стремилась перенимать ее идеологию и экономические принципы. Ко второй половине 1960-х годов Северная Корея перестала столь активно пытаться привлечь Кубу на свою сторону, переключив внимание на страны «третьего мира». Каждая из стран нашла свой путь, как противостоять глобальным изменениям в мире и распаду социалистического лагеря⁶¹.

Библиография / References

- Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 17. Январь—декабрь 1963. Пхеньян, 1984.
- Ланков А. Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Кореи. М., 2009.
- Ойкион В. Революционный авангард. Мексиканское Движение революционного действия // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 175–187.
- Kim Ir Sen. Sochineniya. T. 17. Yanvar'—dekabr' 1963 [Works. Vol. 17. January—December 1963]. Pkhen'yan, 1984. (In Russ.)
- Lan'kov A. N. Avgust, 1956 god. Krizis v Severnoj Koree [August, 1956. The crisis in North Korea]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Oikion V. Revolyucionnyj avangard. Meksikanskoe dvizhenie revolyucionnogo dejstviya [Revolutionary avant-garde. Mexican Movement of Revolutionary action] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical Almanac]. 2015. № 15. S. 175–187. (In Russ.)
- Baev J., Kim S. Korea in the Bulgarian Archives, 1945–1995: An Introduction // NKIDP Working Papers. 2017. № 5. P. 9–16.
- Berger A. Target Markets: North Korea's Military Customers. New York, 2016.
- Cho S. K'uba-puk'an-ün öttöñ kwan'gye? Puk, Soryön-i oemyöñhan K'uba-e mugi musangjegong // Dong-A Ilbo. 5.VI.2016.
- Choi C.-K. The Korean Question in the United Nations // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1975. Vol. 8. № 3/4. P. 395–406.
- Dobrzeńiecki I. Juche ideology in Africa: its origins and development // Acta Asiatica Varsoviensia. 2019. № 32. P. 117–137.
- Fagen R. Cuba and the Soviet Union // The Wilson Quarterly. 1978. № 1. P. 69–78.
- Glejjeses P. Inside the Closed Cuban Archives // The Wilson Center History and Public Policy Program blog, 31 July, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/inside-the-closed-cuban-archives> (access date: 01.03.2020).
- Kang D. Rolling with the Punches: North Korea and Cuba during the 1980s // The Journal of East Asian Affairs. 1994. Vol. 8. № 1. P. 18–55.
- Lancaster C. Foreign aid: diplomacy, development, domestic politics. Chicago, 2007.
- Marsh S. Cuba and North Korea hold anti-US meeting and reject Donald Trump's 'arbitrary' nuclear demands // The Independent. 23.XI.2017.
- Miller O., Matveeva N. Trade Relations between the DPRK and the UK, 1961–1969: The Debate in Whitehall // Understanding Market Activities in North Korea / ed. Y. Kim. Washington (D.C.), 2023. P. 53–63.
- Person J. Introduction // NKIDP e-Dossier no. 12 “The Cuban Missile Crisis and the Origins of North Korea's Policy of Self-Reliance in National Defense”. Washington (D.C.), 2012. P. 1–4.
- Person J. North Korea in 1956: reconsidering the August Plenum and the Sino-Soviet joint intervention // Cold War History. 2019. Vol. 19. № 2. P. 253–274.
- Szalatontai B. Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953–1964. Stanford, 2005.
- Taylor W. North Korea and the Latin American revolution, 1959–1970. Vancouver, 2020.
- Tsvetkova N. International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // Comparative Education Review. 2008. Vol. 52. № 2. P. 199–217.
- Walters R. Soviet Economic Aid to Cuba: 1959–1964 // International Affairs. 1966. № 1. P. 74–86.
- Zwirko C. Cuba, North Korea reaffirm historic ties at first summit in thirty years // The North Korea News. 4.XI.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/11/cuba-north-korea-reaffirm-historic-ties-at-first-summit-in-thirty-years/> (access date: 12.07.2022).

⁶¹ Kang D. Rolling with the Punches: North Korea and Cuba during the 1980s // The Journal of East Asian Affairs. 1994. Vol. 8. № 1. P. 18–55.